

**М.Р. Желтухина,
О.А. Михайлушкина**

Индивидуально-авторский концепт «любовь» в художественном дискурсе В.П. Астафьева (на примере повести «Веселый солдат»)

В статье на примере повести В.П. Астафьева «Веселый солдат» рассматривается индивидуально-авторский концепт «любовь», выявляются его ценностные составляющие, отмечается позитивно-ценностный потенциал в пространстве произведения. Несмотря на то что концепт «любовь» лишен каких-либо романтических характеристик, авторы отмечают его связь с проявлением сострадания, умения понять и ощутить боль другого человека.

Ключевые слова: индивидуально-авторский концепт «любовь»; художественный дискурс; военная литература; повесть «Веселый солдат»; В.П. Астафьев.

Отражение индивидуально-авторских концептов в художественном дискурсе находится в тесной связи с концептами, характерными для определенной лингвокультуры [6; 8; 9]. Вслед за Н.Г. Клебановой, мы понимаем под индивидуально-авторским концептом квант структурированного знания о вторичной действительности в художественном произведении [4; 5]. Индивидуально-авторские концепты, которые репрезентируются эксплицитно или имплицитно в художественном творчестве В.П. Астафьева, представляют собой культурные концепты с аналогичными именами, трансформируемые автором в соответствии с его индивидуальным восприятием действительности.

Корреляция индивидуально-авторского концепта «любовь» и мировой/русской культуры раскрывается нами как взаимосвязанный и взаимообусловленный процесс. Генерированный мировой и русской культурой концепт «любовь» реализуется в художественном дискурсе русскоязычного автора В.П. Астафьева как индивидуально-авторский концепт «любовь», репрезентируя те индивидуальные

характеристики, которые отражают мировосприятие автора. Воспринятый и осмысленный адресатом, данный индивидуально-авторский концепт переносится в русскую культуру, а затем и в мировую культуру, обогащая новыми элементами концептуализацию окружающей действительности.

Индивидуально-авторский концепт «любовь», формируя художественный текст, определяет событие, место, время, поведенческие характеристики и поступки героев и т. д. во вторичном мире, продуцируемом В.П. Астафьевым на примере повести «Веселый солдат». В тексте данного художественного произведения отражается вторичная действительность по отношению к существующей реальной действительности.

Повесть В.П. Астафьева «Веселый солдат» (1998) представляет перед читателем картину послевоенной жизни СССР, увиденную глазами человека, чья молодость прошла на фронте. Автобиографическое начало наряду с неоднозначностью авторской презентации и оценки личности главного героя произведения делают его образ ярким и запоминающимся, а ситуации взаимоотношений персонажей позволяют рассмотреть на примере данного произведения реализацию ключевого концепта «любовь».

В определении понятийных характеристик концепта «любовь» мы опираемся на значения существительного «любовь», зафиксированные в «Современном толковом словаре русского языка»: 1) «чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо», «чувство расположения, симпатии к кому-либо»; 2) «чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола»; 3) «внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо» [7: с. 328]. Также мы учитываем и дефиниции глагола «любить»: 1) «чувствовать глубокую привязанность к кому-либо, чему-либо», «испытывать чувство расположения, симпатии к кому-либо»; 2) «чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола; быть влюбленным»; 3) «чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-либо»; 4) «нуждаться в чем-либо, как в необходимом (благоприятном) условии своего существования» [Там же]. Реализация указанных значений в тексте повести позволяет выявить и проанализировать индивидуально-авторский базисный концепт «любовь» в творчестве В.П. Астафьева 1990-х гг., его образную и ценностную составляющие [3–6; 8].

Впервые в тексте со словом «любовь» адресат сталкивается при описании застолья в станице Хасюринской, где главный герой располагается на лечении. Находящихся на лечении военных приглашают в гости к хозяйке, о которой «говорили, что на постое у Марины был немецкий майор, затем квартировал комиссар Владыко и она им будто бы ни в чем не отказывала» [1: с. 38]. В доме Марины солдаты оказываются каждый «рядом со своей “дивчиной”» [Там же: с. 37]. В ситуации шумного застолья персонажи произносят пожелание «3-за любовь!» [Там же: с. 39].

Однако сама ситуация снижает восприятие ценности смыслового образования «любовь»: отношения между персонажами противоположного пола

построены на потреблении, что встраивает в текст повести концепт «приспособленчество».

В противовес этому реакция главного героя Виктора, которому «захотелось упасть перед хозяйкой на колени, обцеловать ее руки, плакать и кричать “Прости! Прости!..”» [Там же: с. 42], может показаться неестественной. Причины этого в том, что Виктор сумел понять, прочувствовать жестокость военного времени по отношению к мирному населению, разрушительное влияние войны на человека. Потребность искупить вину, отказ от потребительского отношения к женщине на ситуативном уровне создают установку на устремленность главного героя к любви.

Ситуация первой любви главного героя, случившейся в Краснодаре, в произведении подробно не раскрыта. Тем не менее первая любовь определяется таким определением, как «светлая» [Там же: с. 48], что также позволяет говорить о позитивно-ценностном образовании концепта «любовь».

Ощущение любви усложняется расставанием: Виктора отправляют в запасной полк Сталинграда. Интересна самохарактеристика персонажа: «слыл я уже “веселым солдатом”, но я не был веселым, взвинченным был, тяжело перенося разлуку с первой моей любовью» [Там же: с. 49]. Герой ощущает влечение к девушке, неизвестной читателю, испытывает потребность находиться вместе с человеком противоположного пола. Представленная ситуация содержит в себе упомянутое ранее значение «чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола» и является реализацией базисного концепта «любовь».

Однако первое романтическое чувство полностью затмевается главным событием в жизни героя: женитьбой, о которой рассказано во второй части произведения (часть «Солдат женится»).

Повествование о супружеской жизни занимает пространство второй части произведения, которая также посвящена мирному, послевоенному периоду жизни персонажей.

Знакомство будущих супругов в повести не представлено, читатель видит жену главного героя глазами самого персонажа, который отмечает: «Катил я с незнакомой почти женщиной на ее любимую родину» [2: с. 3]. Обращает внимание употребление прилагательного «незнакомая» в отношении супруги. В установившемся представлении брак является союзом двух любящих людей, повесть же представляет читателю совершенно иную концепцию брака, обусловленную послевоенным временем. Причины, побудившие главного героя заключить брак, чужды всякой романтики: «Я же сам добровольно отдался провидению — ехать-то было не к кому, вот и пристроился, вот и двигался на восток, намереваясь в пути узнать характер своей супруги» [Там же]. Рассматриваемые примеры не включают в себе значений, содержащихся в универсальном концепте «любовь». Как видим, в художественном мире повести брак не является проявлением чувств двух людей противоположного пола,

а также мотивирован рационально. При этом концепт «любовь» коррелирует с концептом «путь».

Тем не менее повествователь называет молодую супругу «жена моя»: «пикнула моя жена» [Там же: с. 9], «жена моя пошмыгала, пошмыгала носом» [Там же: с. 8], «моя жена, баба по-нашему, по-сибирски, не находилась» [Там же: с. 7]. Представленные именованья свидетельствуют о признании социальной роли женщины, а также акцентируют отсутствие привязанности к ней: герой не ощущает себя влюбленным, жена для него в данный момент не любимая женщина, а товарищ, вчерашняя незнакомка, собственность мужчины. Это подтверждает отсутствие привязанности, сердечной склонности, влечения, таким образом, свидетельствуя об отсутствии проявления традиционного универсального концепта «любовь» в отношениях молодоженов. Наряду с этим следует отметить, что данное именование («жена моя») герой-повествователь использует в пространстве всей повести, что позволяет говорить о его признании за Марией исконно женской роли хранительницы семейного очага.

Дорога домой в город Чусовой не зарождает привязанностей героев, однако при знакомстве мужчины с родителями Мария произносит следующие слова: «Мой муж. Сибиряк! <...> Прошу любить, стало быть, своим считать... прошу любить и жаловать, как говорится» [Там же: с. 21]. Данное высказывание интересно тем, что демонстрирует понимание любви героиней, для которой любить — «своим считать», т. е. «чувствовать глубокую привязанность», «испытывать чувство расположения, симпатии» [7: с. 328].

В семье жены главный герой отмечает: «мы и ознакомиться друг с другом не успели <...> мы еще никакие не муж и жена и расписаны лишь в красноармейской книжке, мы и не женились по-человечески, мы сошлись на ходу, на скаку, в военной суете» [2: с. 23].

Приведенное высказывание свидетельствует об отсутствии влюбленности, любви между супругами. Ситуация, в которой персонажи оказываются связаны, не ощущая взаимной привязанности, обусловлена военным временем. В подобном контексте реализуется и концепт «жестокость», зафиксированный в реалиях послевоенного периода с его социальной неустроенностью.

Несмотря на изначальное отсутствие ощущения глубокой привязанности, повествователь характеризует их союз следующим образом: «Бог свел, соединил нас, и родители ее [жены] доказали всей своей жизнью, что женитьба есть, а разженитьбы нет» [Там же: с. 31]. Союз мужчины и женщины воспринимается главными героями повести как нечто богоданное, а потому долгосрочное, вечное. Вероятно, именно это ощущение поспособствовало диаметральному изменению ситуации в повести. Под воздействием обстоятельств окружающего мира отношения героев, изначально не имеющих никаких привязанностей, влечения, тяготения, трансформируются.

Так, приезд Калерии, старшей сестры жены, провоцирует внутрисемейные проблемы. Понимая обиду супруги, Виктор испытывает сострадание и желание

поддержать Марию: «Мне было неловко и жалко жену. Я ее нащупал с краю <...> кровати, придвинул к себе, подоткнул под нее одеяло — это все, что я мог сделать» [Там же: с. 42]. Данная ситуация демонстрирует не только жалость со стороны персонажа, но и желание заботиться, поддерживать. Все это можно расценивать как проявление чувства «расположения, симпатии» [7: с. 328], что свидетельствует о реализации концепта «любовь».

Второстепенный персонаж Калерия провоцирует и Виктора. Так, сказанная вскользь фраза: «Тебе идет прическа чуть набок и вверх. Ты тогда как петушок... и изуродованный глаз меньше заметно» [2: с. 46], вызывает негодование главного героя. Интересны мысли Виктора, порожденные высказыванием Калерии: «С-спасибо! — сквозь стиснутые зубы процедил я, уже и подзабывший про уродство глаза. Жена меня и такого любила, ну а если и не любила, то привечала и необидно, по-русски жалела» [Там же]. Глагол «любила» реализует концепт «любовь» и позволяет интерпретировать взаимоотношения главных героев в рамках любовных, супружеских отношений. Отметим, что глаголы «привечала», «жалела» также свидетельствуют о наличии определенных симпатий, следовательно, вмещают в себя такое значение, как «чувство расположения», которое включает концепт «любовь», опредмечиваясь на уровне текста.

Семейная жизнь героев не стоит на месте: Виктор и Мария переселяются в отдельный от родителей флигель, у героев рождается дочь. Последнее событие влечет за собой трагедию: ребенок заболевает диспепсией и умирает. Причины смерти повествователь раскрывает жестко и коротко: «Голодом уморили ребенка в больнице» [Там же: с. 58]. Этот эпизод вмещает в себя концепт «жестокость», демонстрируя не столько социальную, сколько моральную несостоятельность окружающих. В больнице потерявшая молоко Мария «просила, умоляла женщин хоть разок покормить девочку. Никто из женщин не откликнулся на ее мольбу» [Там же], в просьбах привезти молока из родильного дома героине также было отказано. Социальная неустроенность жизни провоцировала нравственную жестокость, свидетелями чего и становятся персонажи повести. Рождение дочери и сына вызывает новые проблемы бытового плана. Помимо этого такие ситуации, как болезни главных героев, снос старого флигеля и постройка нового жилья, эксплицируют на уровне текста концепт «жестокость». При этом взгляд повествователя фиксирует не только внутрисемейные проблемы, но и общие социальные проблемы: большой рост смертности от туберкулеза и подпольных абортов. «По приблизительным подсчетам, за первые послевоенные годы погибли три миллиона женщин и столько же отправились в тюрьму за подпольные дела», — замечает Виктор [Там же: с. 79]. В данном примере концепт «жестокость» не находит вербального отражения, но он проявляется ситуативно.

Однако, несмотря на неустроенность жизни, супруги находят в себе силы сопротивляться обстоятельствам. Желание поддержать близкого человека

проявляется следующим образом: «Жена моя, когда мы улеглись спать, гладила меня по голове: У нас все будет хорошо» [Там же: с. 68]. В данном примере на ситуативном уровне реализуется одна из понятийных характеристик концепта «любовь»: «чувство расположения, симпатии к кому-либо», которое проявляет Мария по отношению к Виктору [7: с. 328].

Бедность и неустроенность жизни провоцируют главную героиню на совершение аборта. Этот поступок становится неожиданностью для Виктора, однако он находит в себе силы справиться с ситуацией: «Я подхватил ее <...> и, держа под мышки, безвольную, несопротивляющуюся, будто пьяную, уволок и определил на койку <...> закутал ее ноги тем стареньким пальтишком, еще подумал и осторожно, вытянув ею же стеженное одеяло, укрыл, подоткнул с боков и поцеловал в ухо» [2: с. 83]. Проявляя в данной ситуации заботу, нежность по отношению к супруге, Виктор демонстрирует привязанность, симпатию, расположение к Марии, что и является выражением понятийной составляющей концепта «любовь». Значимы и мысли героя в данной ситуации: «Куда они без меня? Куда я без них?..» — думает он о жене и детях [Там же: с. 83]. Мысли персонажа в рассматриваемой ситуации можно интерпретировать в рамках такой понятийной характеристики концепта «любовь», как «нуждаться в чем-либо, как в необходимом условии своего существования» [7: с. 328]. Главный герой нуждается в своей семье, они для него представляют наибольшую значимость, а потому данные ситуации являются выражением концепта «любовь». Более того, персонажи повести нуждаются в любви, потому что именно она помогает справиться с жестокостью повседневных обстоятельств и ситуаций. Это применимо не только к главным героям повести, но и к второстепенным. Так, друг и кум Виктора, Сана Ширинкин — «истинно русский человек, он хотел кого-то пустить в сердце, любить, жалеть» [2: с. 77]. В данном примере обращает внимание использование глаголов «любить» и «жалеть» в одном смысловом ряду. Глагол «жалеть» имеет значение «испытывать жалость к кому-либо» [7: с. 185], а существительное «жалость» — «чувство сострадания к кому-либо» [Там же: с. 186]. Соответственно, для героев повести «любовь» и «жалость», «сострадание» оказываются равнозначными, приоритетными «концептами».

Таким образом, концепт «любовь» является одним из наиболее значимых по своей позитивно-ценностной наполненности в художественном мире повести. Способность ощущать любовь, любить признается героем-повествователем в пожилом возрасте божественным подарком: «Как разрывает грудь чувство любви ко всем и ко всему! Как хочется благодарить Бога и силы небесные за эти минуты слияния с вечным и прекрасным даром любить и плакать» [2: с. 91]. Данное высказывание апеллирует к понятийным характеристикам «чувствовать глубокую привязанность к кому-либо, чему-либо», «испытывать чувство расположения, симпатии к кому-либо», «нуждаться в чем-либо, как в необходимом условии своего существования» [7: с. 328]. Выражение «чувство любви ко всем и ко всему» аккумулирует представление об ощущении

любви не к отдельному человеку, а к жизни в целом, несмотря на жестокость окружающего мира.

Рассмотренные нами примеры позволяют сделать вывод о том, что индивидуально-авторский концепт «любовь» в пространстве повести обладает позитивно-ценностным потенциалом, вмещает в себя образы мужчины как мужа, а также женщины как жены, матери, реализует следующие понятийные характеристики: «чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо», «чувство расположения, симпатии к кому-либо» [7: с. 328], а также «ощущение привязанности, симпатии, сострадания, потребности в человеке, как в необходимом условии своего существования, принятие другого человека как своего». Отметим и то, что концепт «любовь» лишен каких-либо романтических характеристик, что отчасти обусловлено временем и социальной средой, в которую включены персонажи. Концепт «любовь» находит свое выражение в критических для героев ситуациях, когда они находятся под давлением негативных обстоятельств. Рассматриваемый нами концепт связан с проявлением сострадания, умения понять и ощутить боль другого человека: своеобразная любовь-жалость, возникающая в процессе совместного преодоления жизненных испытаний.

Библиографический список

Источники

1. Астафьев В.П. Веселый солдат // Новый мир. 1998. № 5. С. 3–58.
2. Астафьев В.П. Веселый солдат // Новый мир. 1998. № 6. С. 3–91.

Литература

3. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 55–63.
4. Клебанова Н.Г. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 154 с.
5. Клебанова Н.Г. Культурный концепт как база для создания индивидуально-авторского варианта в процессе художественного творчества // Иноязычная филология и дидактика в неязыковом вузе: межвузовский сб. науч. тр. Вып. III. Мичуринск: Изд-во МичГАУ, 2003. С. 19–20.
6. Михайлушкина О.А. Семья в системе ценностных ориентаций героев рассказа В.П. Астафьева «Пролетный гусь» // Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (5–6 окт. 2013 г.). Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 15–19.
7. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2007. 960 с.
8. Шевченко И.С. Концепты коммуникативного поведения в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13). С. 110–120.

9. The Linguistic-Cultural Conceptology as a Trend in Contemporary Russian Linguistics / S.I. Baybikova, G.G. Slyshkin, M.R. Zheltukhina, et al. // Наука и человечество. 2014. № 4–1. С. 134–137.

References

Istochniki

1. Astaf'ev V.P. Vesoly'j soldat // Novy'j mir. 1998. № 5. S. 3–58.
2. Astaf'ev V.P. Vesoly'j soldat // Novy'j mir. 1998. № 6. S. 3–91.

Literatura

3. Vikulova L.G., Serebrennikova E.F. Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa social'noj real'nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 55–63.

4. Klebanova N.G. Formirovanie i sposoby' reprezentacii individual'no-avtorskix konceptov v angloyazy'chny'x prozaicheskix tekstax: dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2005. 154 s.

5. Klebanova N.G. Kul'turny'j koncept kak baza dlya sozdaniya individual'no-avtorskogo varianta v processe xudozhestvennogo tvorchestva // Inoyazy'chnaya filologiya i didaktika v ne yazy'kovom vuze: mezhvuzovskij sb. nauch. tr. Vy'p. III. Michurinsk: Izd-vo MichGAU, 2003. S. 19–20.

6. Mixajlushkina O.A. Sem'ya v sisteme cennostny'x orientacij geroev rasskaza V.P. Astaf'eva «Prolyotny'j gus'» // Sem'ya v kontekste pedagogicheskix, psixologicheskix i sociologicheskix issledovanij: materialy' IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (5–6 okt. 2013 g.). Praga: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. S. 15–19.

7. Sovremenny'j tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka / gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2007. 960 s.

8. Shevchenko I.S. Koncepty' kommunikativnogo povedeniya v kognitivno-diskursivnoj paradigme // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1 (13). S. 110–120.

9. The Linguistic-Cultural Conceptology as a Trend in Contemporary Russian Linguistics / S.I. Baybikova, G.G. Slyshkin, M.R. Zheltukhina, et al. // Nauka i chelovechestvo. 2014. № 4–1. S. 134–137.

**M.R. Zheltukhina,
O.A. Mikhajlushkina**

Author's Individual Concept «Love» in Literary Discourse of V.P. Astafyev (on the Example of the Story «The Jolly Soldier»)

In the article on the example of V.P. Astafyev's story «The Jolly Soldier» an author's individual concept «love» is considered, its valuable components come to light, positive and valuable potential in work space is noted. In spite of the fact that the concept «love» is deprived of any romantic characteristics, authors note its connection with manifestation of compassion, ability to understand and feel pain of other person.

Keywords: author's individual concept «love», literary discourse; military literature; the story «The Jolly Soldier»; V.P. Astafyev.